

В немых созданиях укрылось божество;
И как под веком глаз, чье близится рождение,
Так чистый разум скрыт и в камне, и в растенье*.

Раскрывая ритмы самой жизни, вселенских страстей, адепт мало-помалу обретал непосредственное знание о переменных ритмах, регулирующих развитие феноменов, всех чувственно воспринимаемых проявлений. Одним из секретов, ревностно хранившихся алхимиками, как раз и было точное знание их ритмов, этих переменных проявлений.

Именно об этом точном знании переменных ритмов, регулирующих все оперативные проявления, очевидно, и шла речь (а мы склонны думать именно так), когда средневековые алхимики говорили о языке птиц.

Однако спасение минерального мира с точки зрения алхимии неотделимо от возрождения человеческого существа, ветхого Адама, совершившего грехопадение. Трансмутация металлов представляет собой возведение материи на более высокую ступень совершенства - превращение в серебро, а затем и в золото, в «королеву и короля металлов». Но, учитывая великий закон аналогии, совершаются и другие операции, параллельные или последующие, гораздо более секретные, поскольку они предназначаются для успешного осуществления Великого Делания во всех других аспектах, помимо минерального царства: речь идет о возрождении всех жизненных сил человеческого существа, о возвращении ему всех благ, дарованных Богом.

Человек, наиболее совершенное существо в царстве животных, аналогия золота, верха совершенства в минеральном царстве, содержит в себе зачатки абсолютного совершенства, некогда утраченного, которое теперь должно быть возвращено средствами алхимии: адепт, восстанавливая в себе славное состояние Адама до грехопадения, переходил тем самым из естественного состояния в состояние благодати. Он намеревался вернуть себе утраченное бессмертие, совершив великую метаморфозу - через смерть и воскресение падшего Адама, - позволяющую человеку вновь стать божественным существом, каковым он является в потенции и каким был в самом начале нынешнего цикла проявления. Благодаря этому проясняется смысл знаменитой герметической «загадки», содержащейся в одном таинственном алхимическом тексте: «*Aelia Laelia Crispis* есть мое имя... Вот могила, не вмещающая в себя трупа, и труп, не заключенный в могилу. Труп и могила составляют одно». Человек может и должен пониматься как особая материя герметического Великого Делания. Конечно, алхимик должен был заниматься деланием в лаборатории и применять философский камень к минеральной природе, прежде чем использовать его для себя самого, однако трансмутация металлов (сколь бы трудно ни было достичь ее) в действительности оказывается предварительным этапом на пути к тому, что служит главной целью: к возрождению, полному освобождению самого адепта. Традиционная алхимия, совершенно естественно, встает на гораздо более широкий путь: адепт надеялся постичь магические секреты, которые позволили бы ему совершенно реально избежать безжалостного лабиринта чувственно воспринимаемой видимости, столь замечательно охарактеризованного в следующих строках греческого алхимического манускрипта, хранящегося в соборе Святого Марка в Венеции:

«Он каждодневно совращает тебя с пути, он дразнит тебя и насмехается над тобой, возвращая тебе надежду, подобно сну, обманывающему тебя напрасными видениями, вплоть до того момента, когда отведенное тебе время истечет и смерть, покрывающая нее мраком, увь, заберет тебя, не позволив тебе достичь поставленной цели».

Именно благодаря своей «высокой науке» алхимик надеялся повстречать удачу, которая позволила бы ему достичь великого освобождения - шагнув в него из этой жизни через ряд чувственно воспринимаемых проявлений, преодолевая даже силу, повелевающую всей фантазмагорией иллюзий.